

А.Н. Кирпичников

Археология СССР

Мечи и сабли

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Н. Кирпичников**
Археология СССР: Мечи и сабли / А.Н. Кирпичников – М.: Книга по Требованию, 2023. – 144 с.

ISBN 978-5-458-43491-1

ISBN 978-5-458-43491-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

*Светлой памяти матери,
погибшей в осажденном
Ленинграде.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раннесредневековое русское вооружение, воспетое в былинах и летописях и известное по многим сохранившимся образцам, «является одним из основных показателей культурного уровня наших далеких предков»¹ и давно заслуживает того, чтобы раскрыть его во всем богатстве и многообразии. Подготовка такого труда начата в 1957 г.² Ныне открылись возможности для публикации нашей работы в рамках «Свода археологических источников СССР». Читателю предлагаются два выпуска свода «Древнерусское оружие», которые имеют самостоятельное значение и одновременно объединены программным и методическим единством.

Первый выпуск посвящен рубящему оружию — мечам и саблям. Прямые и искривленные клинки всегда привлекали внимание и вызывали самые горячие споры. Здесь почти каждый предмет уникален по отделке и украшениям и требует индивидуальной характеристики. Особое значение приобретают не только давно открытые и свойственные только данному

виду холодного оружия надписи и знаки на лезвиях мечей. Первая глава выпуска, о методике и источниках работы, построена таким образом, чтобы ввести читателя в круг проблем, связанных с изучением древнерусского вооружения в целом, она содержит установки ко всей работе.

Второй выпуск включает массовое оружие воинов: копья, сулицы, боевые топоры, булавы, дубины и кистени. Эти средства борьбы в отличие от своих «знатных соседей» клинков в большинстве являлись рядовыми и имели широкое распространение. При изучении этих предметов мы имели дело с многочисленными одинаковыми сериями их форм и типовыми характеристиками. В первом и втором выпусках содержатся исчерпывающие сведения об оружии ближнего боя. Заключительный раздел второго выпуска подводит итоги эволюции этого оружия, являющегося по своей боевой функции наступательным, что, конечно, не исключает и оборонительного его применения.

Готовится к печати наш третий выпуск, в нем будут разделы о защитных доспехах (шлемы, щиты, панцири и кольчуги), снаряжении всадника и его коня (шпоры, стремяна, седла, узда, удила). Наряду с вещественными источниками большое внимание будет уделено

¹ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, вып. 4, М., 1946, стр. 3.

² В 1963 г. автором была защищена диссертация на тему «Русское оружие ближнего боя (X—XIII вв.)».

и изобразительным: печатям, миниатюрам, иконам.

Предложенное членение по выпускам имеет свою логику и обусловлено спецификой и особенностями материала.

Оружью дальнего боя, а именно луку и стрелам, посвящена монография Л. Ф. Мед-

веда. Читатель, ознакомившись со всеми выпусками свода о древнерусском оружии, получит полное представление о военной технике домонгольской Руси. Подобная «оружиеведческая» публикация осуществляется в нашей стране впервые по инициативе Б. А. Рыбакова.

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой работе прослеживается возникновение, развитие, распространение и, когда возможно, назначение и боевое использование древнего русского оружия.

Для установления изменений в развитии средневекового оружия и выяснения причин этого необходимо проследить его эволюцию на достаточно продолжительном отрезке времени. Хронологические рамки настоящей работы предоставляют большие возможности для такого рода наблюдений: они охватывают домонгольский период, т. е. время от возникновения Киевской Руси до середины XIII в. Этот период объединен последовательностью развития и общностью культурно-исторических процессов.

В работе исследуется оружие, найденное на всей территории древней Руси, независимо от его этнической принадлежности. С самого начала Древнерусского государства его войско было разноплеменным по составу и включало, кроме русских, чудь, варягов, балтов, западных славян, кочевников. Последнее обстоятельство не могло не отразиться на особенностях восточноевропейской военной техники.

Распространение того или иного оружия, способы его использования во многом определяются социальным составом армий, общественным положением людей, владеющих средствами борьбы. Иными словами, оружие нельзя рассматривать в отрыве от социальной среды, не касаясь тех слоев и групп, из которых состоит войско. Изучая оружие как составную часть ремесла, видя в нем отражение возможностей тогдашнего производства можно прийти к результатам, характеризующим как военное дело, так и хозяйственную, торговую и социальную жизнь древнерусского общества.¹

¹О взаимосвязи техники, тактики и социально-экономических факторов, см.: П. А. Раппопорт.

Поэтому исследование тех или иных видов вооружения не было самоцелью, а послужило основанием для некоторых более общих историко-культурных выводов.

Выбор данной темы не случаен. Боевая техника и прежде всего наступательное оружие имели большое значение в жизни древнерусского общества. Оружие ближнего боя сплошь и рядом можно назвать решающим в системе средств тогдашней борьбы, оно более всего влияло на результат боя и во многом определяло уровень древнерусской военной техники. Большая роль оружия в жизни средневековых государств связана с ролью и значением войн того времени. В судьбах древнего мира войны являлись важнейшей движительной силой. Они ускоряли или тормозили развитие народов, способствовали сплачиванию или разъединению племен, формированию и совершенствованию профессиональных войск и прогрессу военного искусства в целом. Для раннесредневековой Руси война, по словам Б. Д. Грекова, являлась «главным средством разрешения стоящих перед ней задач». ² Действительно, для Руси X—XIII вв. война была типичным и почти постоянным явлением. Так, по нашим приблизительным подсчетам, с 1060 по 1237 г. (период современному летописанию) письменные источники отмечают 265 крупных и мелких походов, сражений и боев. Из этих военных предприятий только 55 (т. е. около 1/5) связаны с осадой и обороной городов, во всех остальных случаях речь идет о полевой войне. Отсюда ясно, что развитие военной техники было направ-

Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. МИА, № 105, 1961, стр. 241, и сл.

²Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 317.

лено в первую очередь на обслуживание нужд полевого сражения.³ Вопросы организации войска и производства холодного оружия для открытого полевого сражения были, следовательно, важнейшими.

Помимо чисто военного, важно отметить и промысловое значение оружия. Хозяйство древней Руси следует изучать не только по наральникам, серпам и косам, но и по копьям, топорам и стрелам.

Изготовление оружия определяется материальными условиями жизни общества. Влияние способа производства на развитие технической базы осуществляется через отношения людей и в большой мере зависит от того или иного общественного строя и того или иного социально-политического устройства общества. Поэтому не всегда изменения боевой техники прямо и непосредственно могут быть объяснены экономическими факторами. Оружие, будучи изготовлено, само становится мощным источником различных изменений и влияний, при этом значение военных средств не ограничивается их боевыми функциями: «... успехи техники, едва они становились применимыми и фактически применялись в военном деле, тотчас же — почти насильственно, часто к тому же против воли военного командования — вызывали перемены и даже перевороты в способе ведения боя».⁴ «Орудия войны» влияли на ход войны, тактику боя, устройство и боеспособность войск. Изменение и применение тех или иных средств борьбы иногда определяло новые эпохи в развитии военного дела. Широкое использование наиболее совершенного оружия способствовало крупным политическим успехам народов и государств. Однако развитие оружия — сложный процесс и его следует понимать в диалек-

тической связи явлений. Не всегда оружие являлось источником «всеобъемлющих» влияний на военное искусство. Более того, чем глубже в древность, тем ощутимее становятся внешние силы, ускорявшие или замедлявшие развитие самих боевых средств. На них оказывали прямое и косвенное воздействие различные явления социально-политической жизни, тактика боя, заимствование чужих достижений, вражеские вторжения и т. п.

Военная техника феодального общества концентрирует лучшие достижения производства и усилия многих поколений мастеров и ремесленников. Рассматриваемая область материальной культуры очень подвижна и изменчива. Русский книжник XI—XII вв. так сформулировал эту особенность: «Бранно бо естество не на едином стоить, но изменяется».⁵ Военные изобретения средневековья распространяются и заимствуются с удивительной быстротой. В отличие, например, от бытового и хозяйственного инвентаря, украшений, формы оружия многих европейских стран характеризуются поразительным сходством. Несомненно, что в развитии военного искусства многих народов было много общего. А война, по словам К. Маркса, является одной из самых ранних и распространенных форм внешних сношений. В то же время одинаковые военные приемы, распространенные на больших территориях, не могут заслонить местные особенности и своеобразие военного дела каждой отдельной страны. Отсюда вытекает одна из существенных сторон исследования: распознать, как в процессе развития оружия достижения соседних народов сочетались с собственным опытом. Только во «всеоружии» знаний, проверенных на широком сравнительном материале, исследователь-оружиевед может избежать недооценки или преувеличений национальной военной истории.

³ А. Н. Кирпичников. Метательная артиллерия древней Руси. МИА, № 77, 1958, стр. 11—12. — Мы не отрицаем роли осадной техники, однако ее значение в X—XII вв. кажется нам меньшим сравнительно с другими средствами борьбы.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, М., 1961, стр. 176.

⁵ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М. — Л., 1958, стр. 322.

ГЛАВА 1

ИСТОЧНИКИ, ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛА

И наполняет поля храбрых мужей, и всю землю облистоваху копиа, и сияху племове, и щитове зоряхуся, и воздух облистоваше сулицами...

Никоновская летопись под 912 г.

За прошедшие более чем 100 лет археология накопила огромный вещественный материал. Для нашей работы он является основным источником. Розыски древнего оружия и его описаний привели нас в архивы, библиотеки, музеи Ленинграда, Москвы, Киева, Львова и других городов.¹ Многие исследователи предоставили нам свой неопубликованный материал.² В результате с достаточной полнотой были собраны сведения об оружии IX—XIII вв., найденном в погребениях, на поселениях и случайно, возник большой фонд рисунков и фотографий. Часть их воспроизведена в нашей работе.³ Кроме того, была составлена картотека археологических памятников, содержащих раннесредневековое ору-

жие. Она учитывает 1300 погребений⁴ и около 100 поселений. При этом мы исходили из того, что изучение вещей только в сочетании с сопутствующими находками обеспечивает им качество полноценного исторического источника. При составлении картотеки собирались все сведения о том или ином комплексе и интересующем нас предмете (включая обстоятельства находки, форму и размеры, место хранения, датировку и проч.). Многие из этих сведений для данной темы имеют подсобный характер, в работу они не попали, но все вместе создали прочную источниковедческую базу. Опасения в «нехватке» материала, возникшие в начале работы, оказались безосновательными. Количество изученного нами оружия выражается в следующих цифрах (включая целые экземпляры и их фрагменты): наконечников копий 754 экз., сулиц 47, боевых топоров 573, мечей 183, сабель 150, скрапаксов 10, кинжалов 5, булав 102, кистей 127.⁵

¹ Специальная характеристика материалов, найденных и зарегистрированных в каждом из обследованных хранилищ, вряд ли здесь целесообразна. Все эти данные помещены в каталоге.

² Особенно признательны мы М. К. Каргеру, Г. Ф. Корзухиной, Ф. Д. Гуревич, Д. А. Авдусину, М. В. Фехнер, Д. И. Блительду, Р. А. Юре. За оформленные рисунки благодарим О. В. Харитонову.

³ В подписях к иллюстрациям (рис. 1-54) цифра, стоящая в скобках, обозначает номер предмета по каталогу. Для вещей, не вошедших в каталог, в скобках указывается место нахождения, хранения и другие сведения.

⁴ Эти 1300 погребений с оружием находились в могильниках X—XIII вв., насчитывающих около 30 000 раскопанных захоронений.

⁵ В это число входят и несохранившиеся, утраченные или деформированные вещи, о которых известно, что они найдены на территории древней Руси и относятся к IX—XIII вв.

Сбор и поиск перечисленных предметов были увлекательным, но весьма длительным и трудоемким занятием. Дело в том, что большинство мечей, копий, топоров, сабель, булавы и кистеней найдено 50—100 лет тому назад. Разрыв между временем находки вещи и ее изучением часто насчитывает десятки лет. Естественно, что столь длительные сроки не лучшим образом сказались на сохранности материала. Часть вещей безвозвратно пропала, другая — депаспортизировалась. Дробление и «обезличка» коллекций — явление, нередкое даже для крупнейших музеев.⁶ Часть таких изделий, как мечи, шлемы, издана. Такое же оружие, как копья, топоры, стрелы, даже в больших и сводных трудах публиковалось выборочно и порой схематично. Фонд вещей, которые еще не стали достоянием науки, весьма значителен. Большинство предметов ратного снаряжения найдено в курганах. Времена, когда «страсть копаться в могилах распространилась..., как иногда эпидемическая горячка или чума»,⁷ оставили большое, но плохо документированное наследство. Источниковед похож здесь на человека, который приводит в порядок старый запущенный дом. «Второе открытие» давно найденных вещей оказалось далеко бесполезным.

Приведу несколько примеров (возможно, интересных слависту). Известно, что грандиозные раскопки Владимирских курганов А. С. Уваровым и П. С. Савельевым снискали себе печальную славу отсутствием необходимой фиксации памятников. Существенным для нас было то, что дневники этих раскопок существовали и были частично изданы.⁸ Почти 60 лет тому назад А. А. Спицын разыскал дневник П. С. Савельева (за 1853 и частично за 1854 г.). В архиве ГИМа мне удалось обнаружить дневник А. С. Уварова (за 1851—1852 гг.).⁹ Таким образом, теперь можно заявить, что дневники 7757 раскопанных Владимирских курганов

⁶ Например, интересовавший меня материал из городища Княжа Гора оказался рассредоточен в музеях Киева, Чернигова, Львова, Одессы, Москвы и Ленинграда.

⁷ Н. Ушаков. Некоторые замечания о курганах. Отечественные записки, т. XXXIV, СПб., 1844, смесь, стр. 85.

⁸ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Труды I АС, т. II, М., 1871, стр. 788 и сл. — Вот что писал А. А. Спицын о документальной оснащенности этого труда: «В печатной работе об этих курганах дан перечень находок 1/6 части всех курганов и определено место лишь 313 предметов. Печально прошлое младенческое состояние русской археологии» (А. Спицын. Древности Иваново-Вознесенской губернии. В сб.: Иваново-Вознесенская губерния, Иваново, 1924, стр. 186). Подход А. С. Уварова к раскопанным предметам характеризуют его же собственные слова «вещи хотя и недостойны особого внимания, но необходимы для археологических соображений». (Из рапорта А. С. Уварова Л. Перовскому от 11 октября 1851 г., Архив ГИМ, ф. 17, № 401/43).

⁹ Архив ГИМ, ф. 17, №№ 266/2, 401/43, 41/27.

существуют почти полностью. К сожалению дневниковые записи почти не сопоставляются с вещами и использовать их можно с осторожностью, однако они сохранили описания около 250 комплексов с оружием X—XI вв.

Нередки случаи, когда вещи «отрываются» от своих регистрационных описей и шифров. Так произошло с частью коллекций древностей из приладожских раскопок Н. Е. Бранденбурга. Оружие из этих раскопок удалось частично опознать и паспортизировать по разысканному в архиве ГИМа «ключу» и по рисункам Н. Е. Бранденбурга, хранящимся в архиве ЛОИА.¹⁰ Восстановление спутанных комплексов иногда представляет трудно разрешимую головоломку. Так было с паспортизацией гнездовского оружия из раскопок В. Д. Соколова и В. И. Сизова. Лишь обнаружение в архивах ЛОИА и ГИМа бессистемных и небрежных записей В. И. Сизова в сопоставлении с некоторыми изданными сведениями,¹¹ помогло частично восстановить гнездовский вещевой инвентарь по курганно. Работа по разбору и упорядочиванию древностей не составляла нашу непосредственную задачу, но для комплексного изучения и определения вещей она оказалась совершенно необходимой.

При сборе древнерусского оружия мы сталкиваемся с источниками разнообразными в географическом, этническом, хронологическом и социальном отношении. Археологические памятники, содержащие древнерусское оружие, нуждаются в специальном источниковедческом разборе.

Нахождение оружия в поселениях связано часто со всякого рода случайностями, и в первую очередь — с пожарами, катастрофами, вражескими завоеваниями. Закономерно, что наибольшее количество оружия XII—XIII вв. найдено в южнорусских городах, ставших жертвой монгольского погрома. Жители городов и деревень высоко ценили мечи, копья, топоры, шлемы, щиты и в мирное время редко их теряли. В городских слоях встречается иногда негодное, ломаное или не оконченное обработкой оружие. В целом же оружейное ремесло представлено в подавляющем боль-

¹⁰ Чертежохранилище ЛОИА, № 1590—1599.

¹¹ ГИМ, научно-ведомственный архив, ф. 1, № 1; РИМ, Указатель памятников. М., 1893, стр. 93 и сл. — Критическая оценка работы В. И. Сизова, данная А. А. Спицыным, в полной мере сохраняет свое значение и поныне: «Гнездовский могильник ждет издателя. Работа о нем В. И. Сизова — есть описание найденных в могильнике предметов, каждого в отдельности, без связи с другими. Несравненно более важно было бы издать отчеты о всех произведенных в могильнике раскопках, с указанием типа каждой найденной вещи...» (А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 18). А. А. Спицын не знал, что В. И. Сизов, по-видимому, не вел систематических дневников раскопок Гнездова. А ведь В. И. Сизов раскопал там в 1880—1901 гг. 240 курганов.

шинстве случаев готовой продукцией. О мастеровских мало что известно.

Основными «хранилищами» военных древностей являются погребения. Это типично для X—XI вв. Наши языческие предки верили в существование «того света», в котором «сажают, сеют и собирают урожай, сражаются и борются, но делают все это в идеальных условиях».¹² Поэтому похороны людей обставлены всем необходимым, в том числе и оружием. Так, по сообщению Ибн Фадлана, при сожжении руса «принесли все его оружие и положили рядом с ним».¹³ Еще подробнее более позднее свидетельство о русах: «Когда умирал один из них, хоронили его, а вместе с ним его оружие, платье и орудия, и жену или кого-нибудь другого из женщин, и слугу его, если он любил его, согласно их обычаю».¹⁴ Погребения киевских дружинников X в. соответствуют этим сведениям и содержат много самых различных вещей, в том числе и военных. Разнообразие и подбор могильных приношений определяется социальным положением человека. Совершенно точно языческие похоронные обряды описал и объяснил средневековый хронист Петр Дуйсбург. «Они (речь идет о пруссах, — А. К.) верили, что если кто-нибудь в этой жизни был знатным и не знатным, богатым и бедным, могущественным или слабым, таким же он будет после воскресения в будущей жизни. Отсюда происходит то, что вместе со знатыми умершими сжигалось оружие, кони, рабы и служанки, одежда, охотничьи собаки, хищные птицы и все остальное, что имеет отношение к военной службе. С людьми же незнатыми сжигали то, что имело отношение к их обязанностям».¹⁵ Приведенная характеристика имеет отношение и к русским похоронным обычаям конца IX — начала XI в. Курганы с оружием этого времени довольно полно отражают вооруженность и военную организацию общества с присущими ему социальными контрастами.

Новое положение складывается во второй четверти XI—XII вв. в связи с христианизацией населения. На окраинах страны, особенно на землях с нерусским населением, влияние новой веры было слабее и пережитки язычества держались столетиями, поэтому именно в этих местах предметы (в том числе и военные) в погребениях будут присутствовать еще долгое время, а в собственно русских областях

мечей, копий, топоров, стрел в захоронениях становится все меньше, а их разнообразие сводится к единичным предметам и даже символам (например, votивные топоры).

В XI—XII вв. погребения принадлежат средним и беднейшим слоям населения и зачастую не дают полного представления о вооруженности общества. По оружию русских погребений этого времени можно судить лишь о его формах, типах, составе, распространенности, хронологии и социальной принадлежности. У некоторых же неславянских племен, населявших русскую территорию, погребения с оружием довольно полно воспроизводят техническую оснащенность войска (почти половина всех кочевников Киевского Поросья погребены с оружием). Печенеги, берендеи, торки, жившие в XI—XIII вв. рядом со столицей Киевом, хоронили своих соплеменников с таким обилием военной утвари, которое напоминает варварскую роскошь курганных обрядов языческой Руси X в. Обилие оружия в русских погребениях XI—XII вв. все в большей степени начинает означать отставание социального и политического развития общества в этих районах. Характерно, что упадок русской культуры вследствие военных катастроф середины XIII в. вызвал местами оживление языческих обрядов. Именно к этому времени относится «расцвет» в северо-западной Белоруссии весьма низко организованной культуры «каменных могил» с множеством присущих ей военных изделий.

Попытки буквального отождествления погребенного оружия с боевыми средствами, которые существовали у народа в действительности, приводили к заблуждениям. Немногочисленность оружия в славянских курганах (что не так давно казалось безусловным) поняли как его недостаточность у славян вообще. Это породило теорию о славянах как кротком «голубином» народе. Славянам ставили в упрек «недостаток воинственности», «отсутствие воинственного натиска».¹⁶ Не найдя оружия в дреговичских курганах Припятского Полесья, В. З. Завитневич, например, заявил: «Привыкли смотреть на мирные занятия, как необходимое условие нормальной жизни, наши языческие предки переносили этот взгляд на загробную жизнь, представление о которой делало оружие не нужным, а поэтому оно не клалось в могилу с покойником».¹⁷ Такое понимание вопроса является упрощенным.

В период крупных изменений общественно-экономического уклада (в данном случае —

¹²Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 243.

¹³А. Н. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1957, стр. 144.

¹⁴А. Якубовский. Ибн Мискавейх о походе русов в Бордаа в 943—944 гг. Византийский вестник, т. XXIV, Л., 1926, стр. 69.

¹⁵Петр Дуйсбург. Хроника Прусской земли (заключена в 1326 г.; цит. по кн.: В. Т. Пашуто. Образование литовского государства. М., 1959, стр. 106).

XI в.) отсутствие или наличие оружия в погребениях не всегда определяет «воинственность» и степень вооруженности народа и зависит не только от уровня исторического развития и культовых обрядов, но и от племенных особенностей, традиций и влияния этнически инородного населения. В. В. Седов, например, установил, что «оружие и украшения в мужских погребениях славян (XI—XIII вв., — А. К.) встречаются лишь в тех районах Восточной Европы, где славянские племена соприкасались и смешивались с финским и балтийским населением»,¹⁸ у которого наличие большого количества оружия в захоронениях было устойчивой местной традицией.

Этническая пестрота населения Киевской Руси сильнейшим образом отразилась на неравномерности территориального распределения военного материала. Наибольшее количество оружия X в. происходит из районов древнейших русских городов (Смоленск, Ярославль, Киев, Чернигов) и областей, лежащих на центральных речных путях (Приладожье, Суздальское Ополе). Оружие из собственно русских земель распределено более или менее однородно. В составе арсенала русских боевых средств этого времени существует оружие чудских племен, скандинавов (север и центр) и отчасти кочевников (юг).¹⁹ В XI в. исчезает оружие, которое можно связать с норманскими

воинами. Впрочем, о «норманском» оружии мы говорим лишь гипотетически, так как опознать его даже в скандинавских погребениях на Руси оказалось почти невозможным.²⁰ Количество же оружия, найденного в чудских и кочевнических памятниках XI—XII вв., возрастает. Наблюдается увеличение числа находок от центра к периферии, особенно к северу (Ленинградская область). Оружие не исчезает в этот период и в русских районах (Калининская, Ярославская, Владимирская, Смоленская, Минская, Гомельская и Курская области), но его обнаружено меньше, чем на окраинах. В XII—XIII вв. картина упрощается. Оружие происходит из погребений некоторых финно-славянских и кочевнических областей (Ленинградская, Костромская области и Киевское Поросье), а также из южно-русских городов, погибших при татаро-монгольском нашествии.

Возникает вопрос, можем ли мы, имея дело с «мозаикой» разноплеменных культур на древнерусской территории, сталкиваясь с обилием военных древностей в одних районах и отсутствием их в других, судить о развитии русского оружия в целом. Положительный ответ на этот вопрос связан с активной прогрессивной ролью Киевской Руси в судьбах раннесредневековой Восточной Европы. Силу русского культурного влияния и «стремительность натиска» подметил еще А. А. Спицын,²² ныне фактов этого рода накопилось значительно больше. Общественно-экономическое развитие Древнерусского государства оказало огромное воздействие на соседние народы. Так, славянская колонизация во многом способствовала ликвидации местной обособленности таких племен, как воль, меря, мурома.²³ Знакомство с русской культурой ускорило темп культурного и хозяйственного развития районов с иноплеменным населением (Приладожье, Подонье, Приокские земли). Русское влияние сказалось также и на типах финского и кочевнического оружия. По военным древностям, найденным в нерусских областях, можно иногда судить и о русском оружии и его эволюции. Наряду с этим многие племена приняли участие в формировании древнерусской народности. Отряды иноплеменников влились в русские дружины, что отразилось и на развитии боевой техники. В результате всех

¹⁸ В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, № 2, стр. 107.

¹⁹ Основная территория Киевской Руси с многоплеменным по своему составу населением сложилась в IX—X вв., но не везде ее границы (которые к тому же в дальнейшем заметно передвигались) точно определены. Мы сочли вправе включить в работу материалы некоторых окраинных земель, которые лишь условно можно связать с историей русской культуры и использованием которых требует оговорки. Так, привлечены древности Муромщины. Установлено, что процесс включения этого района в состав Руси активно протекал в течение всего X в. В работе рассматриваются также кочевнические памятники Киевского Поросья и Ростовской области (в том числе древности хазарского Саркела). Следует заметить, что кочевники, осевшие на этих территориях в X в., были менее тесно связаны с Киевским государством, чем чудские племена. Однако и они очень тесно соприкасались с русским населением и жили рядом с русскими городами. Например, торки, оставившие Цимлянский могильник, хоронили своих соплеменников по соседству со славянским беловежским кладбищем. Нам кажется, что разделение более или менее одновременных вещей, происходящих из одного небольшого района, по этническому признаку здесь не оправдывает себя. Ошибочно в состав материалов X в. были включены два кургана с оружием из Закарпатской области. Как выяснилось в 1962 г. после обследования, произведенного П. А. Раппопортом, эта зона, хотя и была славянской, но большей частью относилась к Венгрии. Включение в работу некоторых других памятников, отнесение которых к русской государственной территории полностью не определено или спорно, не вносит путаницы в наши построения. При анализе находок, мы везде, насколько это возможно, разделяем русские и нерусские древности.

²⁰ «Археологические данные показывают, что количество самих варяжских воинов, живших постоянно на Руси, было очень невелико и исчислялось десятками и сотнями» (см.: Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. ВИ, 1962, № 4, стр. 37).

²¹ А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.). СА, 1961, № 4, стр. 194.

²² А. А. Спицын. Древности Иваново-Вознесенской губернии, стр. 183—184.

²³ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 96, 116—117, 136—139, 247.

этих сложных и порой трудно улавливаемых процессов на огромной территории Древнерусского государства в X в. существовали более или менее единообразные типы (с учетом зональных особенностей) оружия, которые освоили и во все более совершенном виде выпускали местные центры.

Итак, археологические данные, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют изучить не только вооружение иноплеменных частей русского войска (например, кочевников, осевших на юге Киевщины), но и боевые средства русской рати в целом.

Следует отметить, что в период раннего феодализма оружие все более утрачивает свою этническую определенность. И происходит это не только в пределах одной области или страны, но в масштабе всего европейского континента. Одни и те же по форме мечи и копья носили воины в разных концах Европы. Распространение военно-технических достижений приобрело почти всеобщий характер. Общность в развитии оружия наблюдается на огромных пространствах. Отметим при этом, что в России по сравнению с некоторыми странами Центральной и Западной Европы, найдено столь значительное количество разнообразного вооружения X—XIII вв., что его изучение во многих отношениях будет иметь общеевропейское значение.²⁴

Сходство форм оружия, конечно, не исключает его локальных особенностей, которые достаточно отчетливо улавливаются и на больших территориях. Мы постараемся показать, что эволюция оружия древней Руси сравнительно с другими странами средневековой Европы отличается большим своеобразием. Русь находилась между Востоком и Западом. Географическое положение и разнообразие форм борьбы наложили свой отпечаток на ее военную историю.

²⁴Количество оружия X—XIII вв., найденного в Европе, уменьшается по мере движения с востока на запад и с севера на юг. Кроме России, военными древностями богаты Скандинавия, Юго-Восточная Прибалтика, Польша (о количестве польского вооружения, см.: A. Nadolski, *Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku*. Łódź, 1954, стр. 132), Венгрия, Чехия; во Франции, Германии, Англии, Италии их мало (например, число шлемов и кольчуг едва ли превышает там десяток — см.: C. Blair, *European Armour*. London, 1958, стр. 19, и сл.). Малочисленность в Западной Европе археологических комплексов с оружием X—XIII вв. (источниковедчески случайная) объясняется историческими особенностями развития этих районов. Известно, например, что Карл Великий в 785 г. запретил языческие погребения (содержащие обычно много военных изделий) во Франкской империи. (Л. Нидерле. *Славянские древности*. М., 1956, стр. 372). Кроме того, в Западной и части Центральной Европе по сравнению с Русью нет областей с таким количеством одновременно погибших городов XII—XIII вв. А ведь раскопки этих городов на Руси изобилуют находками мечей, сабель, стрел, копий и другого ратного снаряжения.

Одной из задач настоящей работы является установление хронологии вещественного материала. Определение даты предметов во многом зависит от наличия и степени изученности их археологического окружения. Изделия, найденные в погребениях, как правило, соответствуют времени самого захоронения.²⁵ Следовательно, вещи, встреченные в могиле, одновременны, они не передавались по наследству, и их использование обычно измерялось продолжительностью жизни их владельца. Об этом свидетельствует умышленная порча и поломка оружия, как бы «умиравшего» вместе со своим хозяином. Большой определенностью отличается хронология предметов, найденных в однослойных поселениях. Значительная часть найденных изделий соответствует обычно последнему периоду существования поселения. Во всех приведенных случаях установление даты группы изделий хотя бы по одной вещи, хронология которой хорошо разработана (мечи, наконечники ножен мечей, шпоры), всегда давало более или менее верный результат. Учтем при этом, что теоретически разница во времени изготовления вещей, происходящих из одновременного археологического комплекса, едва ли превышала два-три десятилетия. Сложнее обстоит дело с предметами, происходящими из многослойных памятников и случайных находок. Здесь при определении даты приходится учитывать многие моменты: орнамент, детали отделки, наличие аналогий и т. п. В период раннего средневековья примеры длительного сохранения и бытования (в пределах 200—300 лет) оружия единичны. К таким изделиям относились мечи и сабли прославленных витязей, особо почитаемые боевые реликвии (например, мечи и шлемы).

Из поколения в поколение оружие совершенствовалось весьма заметно. Изменение его форм, украшений, деталей довольно точно локализуется во времени. Отсюда возникает необходимость как можно точнее определить эти даты.

Эволюция оружия связана с развитием самого общества. Развитие раннесредневековой Руси от раннефеодального государства в IX — начале XII в. к периоду феодальной раздробленности в XII—XIII вв. в какой-то степени соответствует этапам эволюции оружия, но не во всем с ними совпадает. Хронология «орудий войны» более детальна. Мы исходим при этом из того, что хронологическая обработка источников должна последовательно производиться в пределах нескольких исторических отрезков. Уже в приведенной выше характеристике погребений и поселений с ору-

²⁵Ср.: Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI века. СА, т. XIII, 1950, стр. 64—65.

жием оказалось невозможным обойтись без хронологических членений. Здесь нужно обобщать их точнее. Объем и особенности изучаемого материала позволили в пределах IX—XIII вв. выделить три периода (во избежание ошибок эти периоды несколько «наслаиваются» друг на друга): IX — начало XI в., XI—XII вв. и XII—XIII вв. Размещение материала внутри каждого из этих периодов таково, что наметились более узкие промежутки времени. Хронологические этапы развития домонгольского оружия в основном следующие: X в., XI в. и XII — первая половина XIII в. Принятое нами трехчастное хронологическое разделение материала определяет вехи развития древнерусского оружия с точностью приблизительно до века, иногда и уже. Возможность такой датировки на данном уровне развития археологии вполне реальна. Раздельная характеристика материала по этапам опирается на существующие в науке датировки археологических комплексов. Не следует, однако, считать что наша задача заключалась только в перенесении существующих в археологии дат на военные древности (хотя и это было необходимым). Хронологическое изучение материала привело к тому, что предметы во многих случаях не только получили уточненные даты, но и сами стали более или менее надежным датировочным средством. Поэтапное рассмотрение домонгольского оружия позволяет лучше фиксировать как крупные, так и мелкие изменения военной техники, выявляет новые элементы прогресса, раскрывает вещь в развитии, наконец, обнаруживает закономерности эволюции комплекса боевых средств в каждом периоде.

Хронологические периоды развития древнерусского оружия «историчны» (это не просто среднее арифметическое для удобства обработки материала); они связаны с военной и социальной жизнью страны. Краткая оценка этих периодов покажет в каком отношении к каждому из них находится вещественный материал.

IX — начало XI в. — период создания раннефеодального государства. Вследствие больших изменений военного дела сложились достаточно организованное войско и система его вооружения. О ратном снаряжении этого периода мы судим главным образом по крупнейшим древнерусским некрополям. В языческих курганах по обряду трупосожжения (исключения незначительны) похоронены как рядовые воины, так и представители знати. Разнообразие дружинного оружия в погребениях увеличивается во второй половине X в., когда «суровая простота убора предшествующего периода сменяется варварской роскошью». ²⁶ В основном курганы X в. хранят

²⁶ М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1, М. — Л., 1958, стр. 227.

в себе вооружение профессиональных воинов-дружинников, составлявших основу правящего класса. ²⁷

XI—XII века. — период дальнейшего развития раннефеодального государства. Большая часть находок связывается с многочисленными крестьянскими кладбищами центральной и северной России. Погребения младших дружинников «археологически улавливаются по сравнительно богатым и крупным курганам, расположенным среди деревенского кладбища рядом с курганами смердов». ²⁸ Постепенно погребения состоятельных воинов исчезают, но остаются захоронения мужчин с оружием (по обряду трупоположения). О воинском уборе социальных верхов, крупной знати этого периода, мы знаем поэтому значительно меньше, чем в предшествующее время. Археологические данные главным образом характеризуют вооружение рядового дружинника и простого свободного человека — смерда и ремесленника.

XII—XIII века — период феодальной раздробленности. Войско состоит из отрядов отдельных княжеств и его состав все более ограничивается кастой военных слуг. Вещественные источники сильно сокращаются. Известно оружие горожан, погибших при защите южнорусских городов во время татаро-монгольского нашествия в 40-х годах XIII в., и тюркоязычных черных клобуков, населявших пограничные со степью районы Руси и хоронивших еще в XII—XIII вв. по языческим обрядам. Целостного представления о вооружении различных социальных слоев населения в этот период археология не дает.

Итак, периоды намечены, они «историчны» и в большей или меньшей степени обеспечены материалом.

Источниковедческая характеристика этапов развития военной техники неизбежно связана с общесоциальными процессами и затрагивает социальное значение оружия. Социальное неравенство, присущее военной организации феодального общества, обусловило различие между простым и аристократическим оружием, между вооружением народных масс и знати. В древнерусском войске были представители не только различных племен, но и различных классов общества. Судя по изобразительным источникам, атрибутом знатного феодала-воина были чаще всего меч, копье, щит и панцирь. На долю же простого ратника приходился топор и лук. В жизни же было сложнее. Арсенал боевых средств определялся рядовыми, массовыми изделиями, которые в равной мере могли использовать и профессиональ-

²⁷ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, вып. 4, М., 1946.

²⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 463.